

КУРБАНЪ-КАЯ— ЖЕРТВЕННАЯ СКАЛА.

(ОТУЗСКАЯ ЛЕГЕНДА.)

По долинь отовсюду видна эта скала. Она отвернулась от деревни и склонилась къ старокрымскому лѣсу. Точно задумалась.

А если подойти къ ней на восходѣ солнца съ той стороны, станеть видно, какъ на скалу взбирается огромный челоуѣкъ, одной рукой ухватился за ея вершину, а другой упирается въ расщелину, и весь прижался къ сѣрому камню, чтобы не свалиться въ пропасть.

Говорять,—то окаменѣлый пастухъ, чабанъ.

Такъ говорятъ, а правда ли, нѣтъ,—кто знаетъ.

Когда наступаетъ праздникъ жертвъ, Курбанъ-байрамъ, наши старики смотрять на Курбанъ-каю и вспоминають о чабанѣ.

Чабановъ прежде много было; каждый зажиточный татаринъ имѣлъ свою атару. Только лучше Муслядиновой не было въ долинь, потому что чабаномъ у Муслядина былъ Усеинъ, а такого чабана не знали другого. Зналъ чабанъ Усеинъ каждую тропинку въ горахъ, каждую прогалину въ лѣсу, каждый ключъ въ лощинѣ.

И Муслядинъ былъ такъ доволенъ имъ, что обѣщаль ему свою дочь.

Но Эмнэ была одна у Муслядина, а, когда имѣешь одну дочь, чего не сдѣлаешь для нея.

Въ сердцѣ же Эмнэ жилъ давно другой, молодой Рефеджанъ, Арыкъ-Рефеджанъ, какъ звали его въ деревнѣ за тонкій станъ.

Узналъ объ этомъ чабанъ Усеинъ, озлобился на Рефеджана, а черезъ недѣлю такъ случилось, что упаль Рефеджанъ со скалы и убился на мѣстѣ.

Насталъ Курбань-байрамъ, принесть чабанъ Усеинъ хозяину жертвеннаго барана и, когда сказали ему, что убится Рефеджанъ, усмѣхнулся только.

— Каждому своя судьба.

И когда зарѣзаль курбана, омыль въ его крови руки, усмѣхнулся еще разъ.

— Отъ отцовъ дошло: кто самъ упадетъ, тотъ не плачетъ.

Понравилось мудрое слово Муслядину и подмигнуль онъ чабану, когда проходила по двору Эмнэ.

Тогда послалъ чабанъ старуху, которая жила въ домѣ, поговорить съ Эмнэ.

— Хочеть, чтобы ты полѣзь на ту скалу, гдѣ убится Рефеджанъ. Взлѣзешь,— пойдеть за тебя, сказала старуха.

Почесаль голову Муслядинъ.

— Никто туда не могъ взлѣзть.

— А я взлѣзу.

— Хвастаешь.

Обидѣлся чабанъ Усеинъ и поклялся:

— Если не взлѣзу, пусть самъ стану скалой.

И видѣла Эмнэ, какъ на закатѣ солнца сталъ взбираться чабанъ по скалѣ, какъ долѣзь почти до самой вершины и какъ вдругъ оборвался отъ нея огромный камень и въ пыльной тучѣ покотился внизъ.

Пошли люди туда, думали разбился чабанъ, но не нашли его, а когда на восходѣ солнца пришли снова, то увидѣли чабана, обратившагося въ огромный камень.

Говорять, когда долѣзь чабанъ до вершины скалы, то увидѣлъ тѣнь Рефеджана и окаменѣлъ отъ страха.

И сказали наши татары, что на Курбань-байрамъ принесть чабанъ самъ себя въ жертву Аллаху, и назвали скалу—Жертвенной скалой, Курбань-кая.

Такъ говорятъ, а правда ли, нѣтъ,—кто знаетъ!

